

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

Рой, Олег.

Р65 Старьевщица : роман / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-89379-9

Судьба жестоко обошлась с Андреем Шелаевым: кризис 2009 года разрушил его бизнес, жена сбежала с художником, отсудив у бывшего супруга все состояние, друзья отвернулись от неудачника. Он думал, что ему никогда уже не выбраться из той пропасти, в которой он оказался. Именно в этот момент к нему подошла странная женщина и предложила такую сделку, о которой бывалый бизнесмен и помыслить раньше не мог. С легкостью согласился Андрей на... продажу собственных счастливых воспоминаний — жизнь ведь длинная, накопятся новые...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89379-9

© Резепкин О., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

1988 год

Пролог

Нередко жизнь вещей гораздо интереснее, чем жизнь людей. Людской век, к сожалению, краток и ограничен, и как бы ни мечтал человек о бессмертии, как бы ни стремился обрести его, он все равно не способен пробыть на этой земле больше нескольких десятков лет, отпущенных ему природой. А вот вещи... Конечно, многие из них также недолговечны, но ведь немало и таких, чье существование исчисляется столетиями, таких, которым выпала судьба пережить не только своего создателя, но и несколько поколений его потомков.

А кроме того, почти в каждой вещи заключена какая-то тайна. И часто не одна. Появляясь на свет, чтобы служить людям, вещи переходят от одного к другому, случается, весьма прихотливо, едва ли не фантастическим образом, меняя хозяев, но навсегда сохраняя в себе частицу души каждого из бывших своих владельцев. Люди привыкают к вещам, привязываются к ним, как к домашним питомцам, а иную вещь любят не только

Олег Рой

за привносимые ею удобства, но и за то, что она стала свидетелем радостного события или, напротив, трудного периода жизни, который, к счастью, завершился благополучно. Вещи — вехи нашей памяти, спутники жизни. Наши воспоминания неразрывно связаны с ними — и нередко именно вещи служат вместилищем этих воспоминаний. Какие-то хочется сохранить как можно дольше. И не как блеклые зыбкие картинки, а во всей полноте былых ощущений. И тогда вещь берегут как зеницу ока, прячут в надежном месте, передают из рук в руки. А с иными хочется поскорее расстаться — и тогда владелец норовит избавиться от свидетельницы, чтобы не напоминала, о чем не хочется вспоминать. После этого вещь умирает... Или переходит к другому владельцу, которому и невдомек, что она принесла ему вместе с собой. Чем старше вещь, тем большим грузом лежит на ней память всех ее прежних хозяев. Как правило, люди не задумываются об этом — и совершенно напрасно...

Приблизительно такие мысли роились в голове Андрея Шелаева. Вместе с другом Костей Пановым они бродили по пустующему деревянному особняку неподалеку от железной дороги. Нет, не просто бродили — *искали*. Это занятие — поиск старых вещей в «выселенных» домах, на чердаках, в подвалах... — было для обоих и хобби, и приработком. Для Константина к тому же — единственным источником дохода, поскольку он еще не работал, учился в техническом вузе на дневном отделении, а так как студентом он был далеко не самым примерным, то никакой стипендии не получал. В деньгах, однако же, остро нуждался. Хотя кому они не нужны? Но Костя был уверен: ему

они необходимы куда больше, чем кому-либо. Ему нравилось жить красиво, на широкую ногу, модно одеваться, ходить по ресторанам, развезжать по городу на такси и шикарно ухаживать за девушками — а средств на это, увы, не имелось. Семья Пановых принадлежала к числу самых обычных — не бедных, но и не слишком обеспеченных, и родители Кости совсем не горели желанием финансировать дорогостоящие развлечения сына.

У Андрея все было иначе. Воспитывала его только мать, работница почты. Когда Андрюшке сравнялось десять, отец ушел к другой женщине. Алименты от него приходили мизерные, и сын с мамой привыкли жить скромно. Андрей рано понял: ему как мужчине быть в семье главным добытчиком. И еще учась в школе, он начал понемногу подрабатывать. Теперь, к неполным девятнадцати годам, он успел окончить техникум общественного питания и работал младшим поваром в ресторане на Чистых прудах. Зарабатывал вполне прилично для своего возраста. Однако дополнительные деньги были вовсе не лишними. Тем более что в отличие от приятеля Андрей умел обращаться с ними и всегда тратил приработок с пользой — например, покупал по случаю трое джинсов, одни оставлял себе, а двое других выгодно перепродавал.

Сказочного богатства этот их промысел, конечно же, не сулил. Мечты наткнуться в подвале на сундук с золотыми червонцами или на толстую пачку купюр, лучше валютой, в вентиляционной отдушине, наскоро там припрятанную каким-нибудь спекулянтом накануне ареста, так и оставались мечтами. Из-

Олег Рой

редка попадалось что-то более или менее стоящее: закатившееся в щель под плинтусом толстое обручальное кольцо, такие были модны в семидесятые годы, полдюжины отлично сохранившихся серебряных чайных ложек, редкая старинная купюра или «купеческий» резной буфет с инкрустациями на дверцах. Старинная мебель, если подлежала реставрации, особенно радовала — знакомый мастер-краснодеревщик охотно забирал ее у них и не скупился, рассчитываясь. Но основной добычей были по преимуществу старые документы, открытки и пожелтевшие от времени фотографии, вышедшие из оборота монеты и банкноты, дореволюционные книги с ерами и ятями, надтреснутый или надколотый фарфор — посуда, статуэтки, флаконы из-под духов и прочий подобный «антиквариат». Бывшие хозяева просто бросали все это в полной уверенности, что вещи отжили свой век и никакой ценности собою не представляют. Им и в голову не приходило, что кто-то готов платить, и иногда очень щедро, за такое вот «барахло». Излюбленным местом паломничества таких ценителей старины был сравнительно недавно открывшийся в Измайлове рынок под названием «Вернисаж», где продавались старые, а время от времени и антикварные вещи на любой вкус и кошелек. Туда Андрей и Костя приносили находки, сдавая их тамошним *барыгам* по договорной цене — а уж те продавали все втридорога заядлым коллекционерам.

Рыскать по всяким таинственным местам было жуть как увлекательно, почти так же здорово, как в детстве играть «в войнушку» и «казаки-разбойники». Но и куда более рискованно. Чего только не случалось за два года азартных поисков

«складов», как они называли свое занятие, цитируя любимый мультик детства «Трое из Простоквашино»! И в милицию их не раз забирали, и драться приходилось с другими такими же «поисковиками», не желавшими уступать территорию, и гнилой пол под ногами проваливался, и лепнина рушилась с потолка... Они чудом остались целы... Однажды, когда лазили на чердаке дома в Сокольниках, Костя поскользнулся на железной лестнице и растянул сухожилие, Андрею пришлось тащить его на себе. А в другой раз, забравшись в подвал здания неподалеку от Яузского бульвара, они наткнулись на «лежку» каких-то сомнительных типов, по виду конченных уголовников. Еле ноги унесли...

А вот этот деревянный особняк в два этажа у железной дороги они давно заметили. Каждый раз, проезжая мимо в электричке на дачу, Костя поглядывал на него — особнячку, похоже, лет сто пятьдесят, а то и побольше, выстроил его какой-нибудь крепкий купец, так что здесь их вполне может ждать что-то ценное. Но расселять особняк не спешили, хоть он давно обветшал. И вот наконец фортуна им улыбнулась. С подоконников исчезли цветы, с окон занавески, входная дверь была заколочена крест-накрест досками. Это был знак: мешкать не стоит. Вернувшись с дачи домой, Костя дал знать Андрюхе, и на другое же утро, едва рассвело, приятели были на месте.

Проникнуть в здание было совсем нетрудно — поднаторели. Пока они бродили по комнатам, Костя, не умолкая, разглагольствовал о своей интуиции. Она еще никогда в жизни его не подводила. Он зуб дает — они обнаружат сейчас что-то очень

и очень ценное! Но постепенно его энтузиазм пошел на убыль. Ни в заваленных мусором жилых комнатах, ни в подвале, который они осмотрели особенно внимательно, тщательно простукивая стены на предмет обнаружения пустот и поливая их водой, чтобы по контрасту обнаружить новую кладку, ничего интересного не нашлось. Оставался чердак — с крутыми скатами крыши и неплохо освещенный благодаря слуховым окнам.

— Кстати, почему такие вот окна называются слуховыми? Знаешь? — спросил Костя. Он не упускал случая порисоваться, неважно перед кем, неважно как. Но особенно перед Андреем.

— Ну, наверное, слушали раньше через них, что на улице происходит, — пожал плечами Андрей. Сейчас его гораздо больше занимала балка в дальнем углу под потолком, куда почти не доходил свет. Такое чувство, что за ней что-то спрятано... А к хвастовству Кости он давно по привычке и относился к желанию дружка блеснуть познаниями вполне снисходительно.

— А вот и нет! — торжествуя взликовал Костя. — Придумал такие чердачные окна крепостной мастер по фамилии Слухов. И использовали их впервые при строительстве московского Манежа, ну, где сейчас Выставочный зал... Об этом вопрос был в «Что? Где? Когда?». Ты телевизор не смотришь?

— Нет. Ты же знаешь, по вечерам я работаю. Иди-ка лучше сюда, и давай придумаем, как нам подобраться вот к этой балке. Кажется, за ней что-то есть...

И он не ошибся... В небольшом тайнике под самой крышей, на пересечении балок и стропил, обнаружился пыльный холщовый сверток размером примерно с ящик для овощей.

— Я же говорил!.. Вот видишь! Давай, давай скорее... Интересно, что там? — в нетерпении подгонял Костя, пока Андрей аккуратно разрезал складным ножом холстину. — Вот будет здорово, если золото!..

— Нет, это точно не золото, — охладил его пыл Андрей. — Сверток был бы потяжелее...

— Да и этот не сказать чтоб совсем легкий... — Костя никак не желал расставаться с надеждой.

Вскоре выяснилось: грязный, пыльный холст скрывает не что иное, как сундучок мореного дуба, красивый, отлично сохранившийся и к тому же незапертый. Они откинули крышку, но... Внутри не оказалось ни золота, ни драгоценностей, ни денег. Всего лишь старинная кукла с разбитым фарфоровым лицом и в потертом платье да толстая пачка тетрадей в клеенчатых обложках, перевязанная атласной лентой, настолько выцветшей, что трудно было представить себе ее изначальный цвет.

— Что, и это все?! — возмутился Костя.

— Похоже на то... — Андрей был огорчен не меньше.

На всякий случай он все же развязал ленту, заглянул в одну из тетрадей, перелистал страницы. Вдруг они нашли рукопись неизвестного доселе романа кого-то из знаменитых классиков? Тетрадь была исписана полностью, с первого до последнего листа старательным крупным округлым почерком. Однако листы пожухли, чернила почти везде расплылись. Разобрать удалось только отдельные слова, да и то с трудом.

— Дневники! — догадался Костя. — «12 апреля, четверг». А вместо года клякса какая-то.

Олег Рой

— Угу, — согласился Андрей. — Какой-то девчонки. Вот тут она пишет: «...съела конфекту и пирожокъ...». С твердым знаком. Чудно... Наверное, гимназистка какая-нибудь.

— Ну и что мы будем делать с этим девчачьим добром? — Костя сник. — Сундучок, понятно, пристроим. Вещица что надо, в хорошем состоянии, и явно неплохих денег стоит. Хоть тут повезло... А тетради и кукла? Кроме как на помойку, никуда не годятся. И зачем было их прятать! Странные все-таки раньше люди были... Ну что, выбрасывай и пойдем?

— Нет, погоди... Зачем выбрасывать? Куклу можно Катюше отдать, она любит старинные вещи.

В интонации, с какой Андрей произнес это имя, звучало обожание и даже благоговение.

— Да очень нужно Катьке это пыльное старье, скажешь тоже! — хохотнул Костя.

— Вот пусть она сама посмотрит и скажет, что не нужна, — возразил Андрюха.

С Катей Андрей начал встречаться совсем недавно, меньше месяца назад, хотя знал ее, как и Костя, несколько лет — все трое учились в художественной школе. И вплоть до недавнего времени Андрей был уверен: для Кати он всего лишь знакомый, не больше. А вот Катя для него...

Это трудно описать словами. Что бы ни происходило в его жизни, милый образ тоненькой девушки с печальными глазами вот уже который год царствовал в его душе. Костя не мог этого понять. Смеялся, подшучивал. У него не укладывалось в голове, как это можно столько времени сохнуть по девчонке, с которой

не виделся сто лет? И это при том, что вокруг толпы других, гораздо лучше. Тем более у Андрихи! В своем «кулинарном техникуме» все годы учебы он был чуть ли не единственным парнем.

— Да надо быть полным идиотом, чтобы сидеть в таком малиннике и не пользоваться!.. — не раз внушал он Андрею. И тот вроде и соглашался с ним, и даже пользовался... Да и как устоять, когда бойкие, красивые и сексапильные девчонки сами вешаются тебе на шею? Конечно, ни идиотом, ни импотентом, ни монахом он не был, погулял со многими. Но все равно, даже тогда, еще до того, как они с Катей начали встречаться, девушки всего мира делились для него на Катюшу и всех остальных... И ничего тут поделать было нельзя. Андрей сам чувствовал, что эта, как он считал, неразделенная любовь одновременно и его мучение, и возвышающая его награда. Он тихо радовался, что у него есть Катя, хотя она и не подозревает об этом...

— Постой, постой! Тут еще что-то на дне! — воскликнул вдруг Костя, перетряхивая сундук. — Смотри, завернуто в тряпочку... Часы?

Это действительно оказались часы. Потертые, поцарапанные, явно очень старые часы-луковица, из тех, что мужчины когда-то носили на цепочках в жилетных карманах. Костя открыл крышку и удивленно присвистнул.

— Слушай, они идут!

— Да ладно! — не поверил Андрей. — Не может такого быть. Столько времени пролежали...

— На, послушай! — Костя поднес часы ему к уху. Те действительно мерно тикали. — Ну просто чудеса!

Олег Рой

— Наверное, что-то сдвинулось в механизме, когда мы снимали сундучок, — предположил Андрей. — Встряхнули его — часы и пошли. Так иногда бывает.

Костя с недовольной гримасой оглядел находку и, вздохнув, заключил:

— Много за них не дадут. Не серебро, не золото, обычная сталь. К тому же сильно покоцанные... Ладно, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Сколько-нибудь да выручим.

Выручить за часы им удалось и правда немного — выглядели уж больно непрезентабельно, даром что старые. И, в чем не было ничего удивительного, оказались неисправными, тут же остановились, и запустить их второй раз не удалось. А вот сундучок мореного дуба вкупе с другими поднакопившимися у них находками они пристроили, и весьма выгодно. Так что с «Вернисажа» выходили в самом радужном настроении. Особенно доволен был Костя. Денег, вырученных с начала лета, как он успел подсчитать, ему с лихвой хватит, чтобы свозить в Пицунду очередную подружку. Андрей, у которого отпуска в ближайшее время не предвиделось, тратить свои деньги пока не собирался.

Они уже покинули территорию рынка и шли по аллее к метро, когда их окликнул невзрачного вида мужичонка в поношенном непромокаемом плаще, по виду ханыга:

— Эй, пацаны, икону не купите? Недорого прошу...

— Нет, — неохотно буркнул Костя, не сбавив шагу. Вокруг «Вернисажа» вечно крутились такие вот мутные типы: пьяницы, добывающие деньги на опохмелку, воришки, пытающиеся

сбыть с рук краденое, и прочая подозрительная шушера. Этим они игнорировали и обычно были единодушны, но тут Андрей почему-то заинтересовался.

— Погоди, Костян. Давай взглянем, что за икона такая...

Обрадованный, мужичок распахнул полы плаща. Их взглядом открылась большая икона, почти полностью скрытая черным прокопченным окладом. Сквозь круглые его окошки проглядывали два лика. Богородица. Определить иконописную школу им было не по зубам. Не разбирались они в таких тонкостях. Однако то, что икона написана явно не вчера, Андрей смекнул сразу.

— И сколько ты просишь? — деловито осведомился он у продавца.

— Да теща у меня на днях померла, — неожиданно вздохнул тот. — И ничего мне не оставила, гадюка жадная. Домразвалюху — и тот племяншу отписала... Раз так, думаю, продам этот образ, он у нее в углу висел, она все поклоны перед ним била. Сотню дадите?

— Ты чего, сдурел, отец? — набросился Костя на обездоленного зятя «гадюки». — Стольник за эту копоть! Скажи спасибо, если тебе за нее червонец дадут. И то много будет.

— Не, за чирик я ее вам никак не отдам, — помотал лохматой головой мужичонка. — Жена говорила, икона, мол, старая, ценная. Может, она больших денег стоит.

— А нам и на хрен не на... — начал было Костя.

Но Андрей перебил его:

— На полтинник согласен? — Умело вести торг он навострился в общении с барыгами.